

**МАНХЕЙМ К.
ДИАГНОЗ ЭПОХИ: ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ,
НАПИСАННЫЕ СОЦИОЛОГОМ¹.
(Перевод С.В.Карпушиной)**

**MANNHEIM K.
DIAGNOSIS OF OUR TIME: WARTIME ESSAYS OF A
SOCIOLOGIST. - L.: KEGAN PAUL: TRENCH TRUBNER,
1943. -180 P.**

Часть II

Христианские ценности и изменение среды

I. Метод исторической реинтерпретации.

Преходящие и постоянные элементы идеи прогресса

В предстоящий нам период изменений центральная проблема христианской мысли будет, очевидно, состоять в следующем: как меняется применение христианских ценностей с изменением социальной и экономической среды. Эта проблема в своем полном значении может быть решена только самой жизнью. Этот процесс личного и коллективного опыта принесет плоды, только если будет постоянно направляться сознательным мышлением. Мы стремимся вовсе не к абстрактному мышлению, опирающемуся исключительно

на метод логической дедукции, а к такому мышлению, которое получает свои главные стимулы из конкретной казуистики, из наблюдений за трудностями, испытываемыми христианами в среде, совершенно отличной от той, где впервые был выработан Христианский опыт. Наша задача будет состоять в том, чтобы выяснить, в какой степени духовное начало может пронизывать ситуации, отличные от тех, в которых оно возникло. Такое проникновение в новые ситуации происходит в ходе решения текущих жизненных конфликтов. Конфликты, если их правильно понимать, представляют собой симптомы расхождений между установившимися подходами и оценками и меняющейся ситуацией. В ходе решения этих конфликтов в христианском духе происходит частичное одухотворение новой среды и новое понимание самого понятия духа. Этот процесс нового понимания продолжается постоянно; он шел уже тогда, когда раннехристианские секты должны были отказаться от своих надежд на то, что надвигается конец света и наступает Царствие Божие. Это изменение в сознании и реалистическое восприятие некоторых фактов сильно изменило поведение этих групп, хотя они возникали из одного и того же духовного начала на различных этапах развития. Пока группы небольшие и ситуация относительно проста, то группа в силу своего опыта бессознательно выполняет задачу реинтерпретации. Когда же с развитием цивилизации реинтерпретация становится сложной, то появляется необходимость участия в ней людей с религиозным опытом и экспертов по социальным изменениям. И даже на этом сложном уровне реинтерпретация осуществляется только с помощью группового опыта, а люди с религиозным опытом и эксперты могут сказать свое слово, только если они являются участниками этого опыта. Их выводы основываются на предварительном обсуждении, которое вскрывает все трудности группового опыта.

Обладание групповым опытом и знание казуистики дает, однако, конкретные результаты, если мы осознаем глубокое значение вопроса. Во-первых, необходимо иметь в виду, что в наш век

существуют различные способы мышления и что они по-разному влияют на метод переоценки ценностей. В этом отношении существуют две крайности. Одна из них - это крайне жесткая позиция, отождествляющая христианство с одной особой эпохой его истории, в то время как другая сознательно или неосознанно применяет к сфере оценок модель "прогресса". Значение и ценность этих методов необходимо осознать, прежде чем применять их. Без осознания их природы и ограниченности существует опасность, что эти методы мышления сами возьмут власть над ними, а не мы над ними. Если мы хотим избежать первой ошибки, то должны осознать исторические разновидности христианского подхода в прошлом. Понимая это, можно обойти и другую ловушку, а именно, когда за христианство принимаются только его самые современные разновидности. Так, например, важно вспомнить о том, какие "христианские добродетели и подходы преобладали в эпоху развития капитализма и какие элементы пуританства соответствовали потребностям новой эры больше, чем основным канонам христианского наследия. Это могло бы привести к переоценкам, например, к переоценке аскетизма или некоторых его аспектов. В этих случаях социологическое осознание исторических разновидностей христианской темы привело бы не к своего рода релятивизму, а к освобождению творческой интуиции, которая вырабатывает соответственные реакции на меняющуюся среду, исходя из того же самого основного источника.

Совершенно очевидно, что такое отношение к истории отличается от того, которое состоит в либеральной идее прогресса или его религиозного эквивалента, модернизма. Эти два подхода сходны в том, что считают истинно важными только события последних нескольких столетий, а также полагают, что история представляет собой непрерывный прогресс и что поэтому все старое должно, подобно старомодному платью, заменяться на новое. Эта позиция, характерная для современного сознания, быстро меняется ввиду явного ухудшения моральных норм в капиталистическом и

тоталитарном мире. Абсолютно ясно, что неверен тезис об автоматическом прогрессе, а также о том, что церковь и религиозное мышление должны поспешить приспособиться к нововведениям нашего века. Это разочарование в нашем веке уже зашло настолько далеко, что вера в будущее уступает место вере в то, что старое всегда лучше, потому что оно старое и что к современному миру необходимо применить различные подходы и институты прошлого. В своей наиболее опасной форме эта позиция ведет к своего рода "Petainism"², стремящемуся преодолеть зло современного общества, скрывая его за великолепием прошлого (Le Regime des Notables)³.

Теперь, когда идея прогресса утратила свой романтический ореол, еще важнее осознать те элементы истины, которые она содержит. Во-вторых, наука и техника, включая социальную технику, развиваются по восходящей линии. Они постоянно совершенствуются, исправляя свои ошибки, расширяя сферу своего знания и обновляя свои предположения. Ошибка философии, постулирующей прогрессивное развитие, заключалась в том, что она переносила модель исторического развития, т.е. идею прямолинейного развития на эволюцию морального самосознания и культуры. Я думаю, что Альфред Вебер был прав, когда утверждал, что культура расходится лучами из центра, а не развивается по прямой линии. Если это так, то модернизм справедливо утверждал, что религиозный мыслитель должен стоять на уровне современной науки и не препятствовать ее развитию, однако неверно было бы пытаться непосредственно включить религиозную жизнь в модель прогрессивного развития.

Другой элемент истины в идее прогресса, который необходимо сохранить, заключается в том, что для существования огромную ценность имеет "присутствие", которое ни в какой мере не независимо, а существует как постоянная напряженность, направленная на будущее состояние. Этот динамический элемент присутствия не позволяет интерпретировать консерватизм или традиционализм как простое повторение старых ситуаций или как подавление новых

конфликтов с помощью старых формул. "Присутствие" в сфере морали, религиозного и культурного опыта означает постоянное возвращение к главному опыту, передающему свое духовное начало новым ситуациям.

Это означает постоянное возрождение, переоценку и реинтерпретацию одной и той же субстанции. Эта реинтерпретация представляет собой, с одной стороны, более чем интеллектуальную задачу, поскольку обращена к истинному опыту, и нашей способности интуиции и творческого воображения. С другой стороны, при ее правильном понимании реинтерпретация мобилизует глубочайшие возможности разума, поскольку в таком сложном мире, как наш, она может быть достигнута с помощью философского, социологического и другого знания.

2. Планирование и религиозный опыт

Совершенно очевидно, что сегодня невозможно быть последовательно религиозным без интеллектуального знания и контакта с политическим действием; в то же время существует опасность применения научного и технического подхода непосредственно к человеческим отношениям. Трудность нашего века заключается в том, что мы понимаем необходимость планирования, но знаем и то, что просчеты в планировании могут иметь плачевные последствия. Вопрос о том, насколько общественные институты могут подпитывать религиозный опыт, всегда был открытым. В наш век планирования, когда число институтов увеличивается и их деятельность координируется, проблема становится еще более острой. С другой стороны, даже те, кто смотрит на планирование глазами инженера и склонны думать, что их подход к социальным делам всеохватывающ, понимают, что чисто технический и функциональный подход несовершенен и что общество, движимое чисто утилитарными мотивами, лишается внутренней динамики. Во времена мира и процветания казалось, что можно жить только

Голливудом и мороженым, однако теперь, когда человечество борется не на жизнь, а на смерть за сохранение цивилизации, даже инженер понимает, что основы общества следует искать в более глубоких пластах человеческой души, чем он когда-либо думал. Особенно важно, чтобы наша страна осознала эту проблему, так как именно на ее долю выпала миссия руководить восстанием всех угнетенных народов.

Итак, смысл нашего вопроса заключается в следующем: "Что может быть сделано для восстановления движущих сил общественного развития, прежде чем все общество будет разрушено? При каких условиях планирование может стимулировать свободное раскрытие этих сил и способствовать проникновению духовного начала в жизнь общества?"

В отношении уместности планирования глубокого религиозного опыта возможны следующие подходы:

а) абсолютно враждебное отношение, считающее вредным любое планирование и институционализацию;

б) противоположная точка зрения, согласно которой выжить можно лишь при условии, если подходить к решению проблем наступательно, с помощью строгой регламентации, ортодоксального контроля и казуистики;

в) точка зрения, согласно которой условия процветания глубинного опыта поддаются планированию.

3. Смысл планирования ради свободы в случае религиозного опыта

Я думаю, что первые два подхода мало что нам дают, поскольку наш идеал планирование ради свободы, т.е. планирование общественного развития ради стихийности жизни. Поэтому представляется куда более важным применить различные значения третьего подхода к религиозному опыту.

Планирование глубокого религиозного опыта может означать просто напросто то, что, планируя остальные сферы жизни, мы оставляем религии свободное поле деятельности, позволяя ей развиваться стихийно. Это не означает *laissez-faire*, поскольку предполагает тщательное наблюдение за условиями, способными препятствовать религиозному опыту и религиозной практике.

Следующий подход считает неверной точку зрения, согласно которой создание вакуума автоматически вырывает из души религиозный опыт. Силой, стимулирующей этот опыт, является традиция. Если вы разрушите социальные рамки традиции, то тем самым вы уничтожаете условия религиозного опыта. Для тех, кто придерживается этой точки зрения, чрезвычайно важно перечислить основные элементы традиции. Что есть традиция - уважение ко всему старому и привычному, подражание или духовная зараза, или же это до сих пор неизведанная передача неосознанной творческой энергии, приобретающей особую форму и смысл в различные периоды человеческого существования?

Существует еще мнение, что одной традиции недостаточно. Она существует не в вакууме, а связана с определенными социальными условиями. Эти условия необходимо поддерживать для сохранения традиции. Так рассуждают те, кто желает сохранить крестьянство, поскольку оно обладает определенной религиозной традицией, или же те, кто противится нарушению уединения маленькой мастерской и возникающему скоплению масс, ибо в таком качестве массы начинают вести себя как толпа.

Модно, однако, утверждать, что сохранение религиозного опыта зависит не от непосредственного окружения и социальных групп, а от всей структуры общества, поскольку именно она благоприятствует глубинному опыту или подавляет его. Именно семья, церковь, школа, деловая жизнь и общественное мнение, фабрика и мастерская, искусство и литература, а также их взаимоотношения питают этот опыт или подавляют его.

И, наконец, можно считать, что наибольшее значение имеет

личностное воодушевление и поэтому задача состоит в том, чтобы создать для этого условия. Мы должны построить такое общество, в котором большое значение имеют межличностные отношения, дающие простор для свободного чувства товарищества, к которому личность как таковая оказывается сопричастной; общество, в котором человек, имеющий настоящее призвание, имеет возможность его реализовать и в котором отдается должное людям, обладающим качествами лидера. Социологическая проблема заключается в следующем: возможно ли это в искусственных условиях больших городов, где люди представляют собой аморфные массы, где добрососедство утратило свое значение, где люди не знают судьбы своих товарищей и история жизни индивида теряет свой парадигматический смысл? Этот глубочайший смысл религиозной истины был, впрочем, при более естественных условиях выражен на примере жизни святых, мудрецов и мудрых правителей, так же как история жизни Христа или Иова легче запоминаются, чем просто предписания, максимы или теологические рассуждения. Это относится также и к ситуациям, теряющим свою символическую ценность в шумном переполненном людьми большом городе, где мы, как правило, имеем дело с абстрактными деловыми целями или формами наслаждения, редко выражающими глубинный общий опыт. В более примитивных обществах такие важные события, как рождение ребенка, женитьба или смерть, напоминают человеку о трансцендентальных жизненных силах. В нашем обществе они теряют этот смысл, как только становятся просто привычным делом нашего жизненного распорядка.

4. Четыре основные сферы религиозного опыта

Ответ на все эти вопросы о том, может ли вмешательство, заключающееся в создании институтов, и сознательное планирование сделать что-либо для религиозной жизни, будет,

конечно, зависеть главным образом от того, что мы считаем сутью религиозного опыта. Я попытаюсь далее в обобщенном виде изложить важнейшие точки зрения на сущность религии:

а) первая точка зрения гласит, что сущность религии обнаруживается в личном общении с Богом. Отсюда следует, что ничто другое в жизни истинного значения не имеет и что ничего не надо планировать. Тем не менее даже мистики признавали, что существуют определенные условия, благоприятствующие или неблагоприятствующие этому опыту. Жизнь монахов в монастыре - вот еще одно выражение той истины, что религиозный контакт со сверхчеловеческим связан с определенными внешними условиями. Монахам разрешалось обрабатывать землю, либо жить, прося подаяние; коммерческая же деятельность считалась для них недопустимой, так как она способствует формированию духовного склада, отвлекающего ум от религиозного призвания. Планировать можно даже экстатический опыт, если правильно понимать планирование. Возникает вопрос, не станет ли монашеское уединение в качестве формы полного или временного ухода от мирских дел наилучшим средством исцеления от дегуманизирующих последствий цивилизации деловых и хлопотливых людей. Если это произойдет, то монашеское уединение будет снова выполнять две функции. Первая из них будет состоять в том, чтобы предоставить все возможности людям, являющимся, так сказать, специалистам в области религиозного опыта, которые должны будут, не приспособиваясь к новому окружению, передать открывшееся им духовное начало последующим поколениям. Эти люди будут стражами духа, для которого чистота глубокого переживания важнее современности. Будут существовать, конечно, и более светские "ордена", куда смогут войти на время активные политические Деятели и бизнесмены с целью размышления и контакта с людьми, Далекими от борьбы за существование. Задача светского человека будет состоять далее в переводе воодушевления на язык современного мышления и практики. Современное общество

нуждается в одиночестве как противовесе массовому опыту. Одной из характерных черт русского коммунистического эксперимента является его враждебность любому уединению. Англия более чем какая-либо другая страна обладает возможностью, находясь на пороге века планирования, сделать стремление к уединению одной из характерных черт планируемого общества. Однако ни в коем случае нельзя смешивать бездуховное уединение, как, например, убивание времени, сидя у камина, с одиночеством, необходимым для глубокого религиозного опыта. Бездуховная форма одиночества может скрывать в себе еще большую пустоту, чем шум толпы;

б) согласно другой точке зрения, истинный религиозный опыт может существовать лишь в личных взаимоотношениях, а Бог присутствует тогда, когда два или три человека собрались вместе во имя Бога. Взаимопомощь и личностное воодушевление для таких людей гораздо важнее, чем утонченная практика мистиков, которые в своем крайнем эгоизме удаляются от светского мира. Странники данной точки зрения посвящают свою деятельность восстановлению добрососедства и товарищества;

в) третья точка зрения гласит, что одна из существующих черт религиозной реальности входит в структуру социальной жизни. Субъективный аспект религиозного опыта может быть очень важным, однако нельзя не заметить того факта, что частично этот опыт присутствует и в социальной доктрине, которая может соответствовать правильной или неправильной модели, быть духовно богатой или бедной. Социальная модель - это нечто большее, чем сумма различного рода деятельности отдельных индивидов; человек создает эту модель сознательно или неосознанно. Так, граждане греческих полисов чувствовали ее, древние римляне, создатели великой империи, и англичане также приложили все свои силы для создания такой модели. Если социальная модель духовна, то между ней и индивидами существует постоянное отношение "взять-дать", в рамках которого они взаимно обогащают друг друга. Индивид отдает обществу свои лучшие силы и получает от него силы, намного

превышающие его собственные, поскольку речь идет о воодушевлении всего общества. Этот процесс напоминает коллективное строительство собора - анонимного творения искусства, в котором нельзя выделить вклад отдельного зодчего или скульптора, будь то даже самого гениального, поскольку никто не может сказать, где начинается его творение и в какой степени оно может считаться плодом его индивидуального гения.

Если индивид живет в таком обществе, то он обычно достигает значительно большего, чем если бы он полагался исключительно на свои индивидуальные духовные возможности. Преимущество духовно богатой социальной модели заключается в том, что индивид не может опуститься ниже определенного уровня (трагедия Германии заключается в том, что ей не удалось создать истинное общество такого рода). Опасность жизни в обществе с установившейся моделью заключается в том, что индивид живет сверх своих индивидуальных возможностей и отказывается от борьбы, потому что он может, следуя обычаю, вести безупречную жизнь, не прилагая для этого особых усилий. Опасности социальной модели с религиозным опытом таятся в том, что все постепенно и непостижимо превращается в условность, причем никто не в состоянии сказать, где и когда начинается вырождение. Тот, кто полагает, что для нормального развития индивида важна вся социальная модель общества в целом, верит в своего рода коллективное спасение и придает совершенствованию социальной структуры по крайней мере такое же значение, как и улучшению условий для индивидуального спасения с помощью личного опыта или путем создания условий для возникновения чувства братства и товарищества.

Важно отметить, что большевистский общественный идеал во многом представляет собой секуляризованную форму этой идеи - спасение с помощью справедливого социального порядка;

г) и наконец, последняя точка зрения представлена теми, кто полагает, что истинные гарантии религиозной жизни надо искать в

сохранении условностей, столь сильно презираемых современным обществом. Регулярное посещение церкви и службы, соблюдение определенных обрядов, ортодоксальность в отношении основных вопросов считаются лучшими гарантиями выживания, чем сомнительный внутренний религиозный опыт, который ведет неизвестно куда. Это своего рода религиозный бихевиоризм, который существовал уже задолго до появления бихевиоризма как психологической доктрины. Подобно тому, как бихевиоризм полагает, что для сохранения социального порядка гораздо важнее создание подходящих обычаев, нежели изоциренных идей и доктрин, эта форма ритуальной ортодоксии видит гарантии для религии в религиозном обычае и обряде. Еще одна аналогия между психологическим бихевиоризмом и ритуальной ортодоксией состоит в вере в то, что опыт действует на человека извне. Соблюдение религиозных обрядов создаст особую форму для поглощения и направления человеческой энергии. Какими бы здоровыми ни были импульсы, они истощаются, не будучи должным образом направлены в социально-религиозном отношении. Согласно данной точке зрения, планирование религиозной жизни представляет собой заботу о формировании религиозных обычаев и создание возможностей их выполнения.

Из этого анализа очевидно, что планирование религиозной жизни может иметь различное значение в зависимости от точки зрения на сущность религии. В каждом отдельном случае находятся различные средства в соответствии с особенностями религиозной философии. Лично я верю не в какое-либо одно, а во множество различных средств и полагаю, что религия существует во всех рассмотренных выше формах и что единственным удовлетворительным подходом к планированию может быть лишь плюралистический подход. Как мне кажется, постоянно происходит изменение содержания и сути религии. На некоторых этапах религия существует на уровне чисто личного опыта, например, у мистиков. Иногда она выливается в форму братства, порой пронизывает всю модель

социальной организации или бездействует, присутствуя лишь в человеческом мышлении и устаревших обрядах. Если моя точка зрения правильна, то проблема планирования религиозной жизни состоит в признании многообразия существующих ее форм, иногда благоприятствующих, а иногда и мешающих друг другу. Нельзя планировать религиозную жизнь абстрактно, однако можно планировать описанные выше формы религиозной жизни. Существуют различные средства спасения в зависимости от того, надо ли создавать возможности для уединения, внутренней духовной концентрации или религиозного экстаза. Точно так же как нет общего правильного планирования и общеустановленной технологии, нет и принципов планирования религиозной жизни. В обществе есть определенные сферы, в которых требуется строгая организация и регламентация необходимой деятельности, как, например, организация транспорта или наиболее эффективных способов нормирования продовольственных и промышленных товаров; есть же и такие сферы, где необходимо создать простор для органического роста и с корнем вырвать семена вырождения институтов. Иногда достаточно реорганизовать общество таким образом, чтобы сохранить естественные возможности, стимулирующие товарищество, самоуправление и спонтанность развития, и все остальное идет своим ходом. Есть случаи, когда все зависит от вдохновения, и планирование состоит не только в институциональных мерах, но и в индивидуальных решениях. Если человек наделен даром предвидения, ему должны быть предоставлены все возможности для реализации этого дара; если существует небольшая секта или группа, обладающая исключительным опытом, члены которой взаимно вдохновляют друг друга, то этой группе должны быть предоставлены возможности оказывать влияние. В этой сфере устранение особых форм разочарования и борьба против *vis inertiae*⁴ закрепленных законом интересов гораздо важнее общих постановлений. Планирование ради свободы не общая регламентация, а гибкая форма развития общества, и оно состоит в дифференцированном использовании различных подходов.

Следует, иметь в виду еще и следующее: хотя различные формы религии очень часто сосуществуют в обществе и вносят свой вклад в одухотворение жизни, все вместе они образуют динамическую сущность, и в один исторический период все может зависеть от силы личностного опыта, а в другой - от жизненности братских отношений или традиции.

Выживание Великобритании связывается с тем, сможет ли она стать не только генератором идей и побуждений, но и создателем нового видения лучшего будущего, которое вдохновит людей социально и духовно на борьбу против всемирной агрессивности. В настоящий момент царит всеобщее чувство оцепенения. Несмотря на активный опыт Великобритании, положение этой страны и ее народа, пережившего страшные бедствия, все же во многих отношениях особое. Великобритания находится в самом центре болезненного процесса создания такого склада мышления и эмоциональных установок, которые могли бы развиваться и существовать в атмосфере безопасности и внешней стабильности.

Если это произойдет, то будет ли это возрождение исходить из институциональных срезов религии? Что же поистине означают традиция и институты для людей, в которых еще живет христианская вера? Или же более вероятно, что все внимание будет сосредоточено на личном опыте и товариществе? Существует ли возможность возрождения религии для больших масс населения или же церковь вновь непреклонно будет исключать из своих рядов людей, которые в состоянии совладать с новыми реальностями внутреннего и внешнего мира? В последнем случае опять появятся еретики и секты, которые будут жить в соответствии с требованиями времени. С другой стороны, раскол такого рода перед лицом сильного и единого врага будет опасен, и нам надо стремиться сделать все возможное для религиозного возрождения в рамках церкви.

5. Проблема истинно архаичного и псевдорелигиозного опыта

При анализе условий возрождения религиозного опыта необходимо упомянуть и наиболее радикальную точку зрения. Логично предположить, что возрождение сути религии, возможно, будет проистекать от людей, не затронутых интеллектуальным развитием, поскольку суть религиозного переживания есть нечто исконное и в этом смысле более примитивное и несовместимое с аналитическими достижениями современного мышления- История духовного развития может рассматриваться как рост и распространение такого типа софистики, которая ведет к постепенному разрушению первоначального видения - первобытных образов как основных элементов религиозного переживания. В качестве иллюстрации, подтверждающей эту теорию примитивизма, можно указать на следующий факт. Несмотря на то, что философы и мыслители поздней античности, например, стоики, были уже готовы воспринять новый дух, выходящий за рамки модели античного образа жизни, все же новый религиозный опыт христианства не был результатом их утонченного мышления, а возник среди низших слоев населения Иудеи и восходил к восточной мистике.

Теория примитивизма, по-видимому, верна в творческом смысле слова, поскольку она напоминает нам о вкладе русских и других не вполне западных народов в возрождение религии. Вполне возможно, что-то, что происходит в России, представляет собой попытку использования современной изощренной терминологии для приспособления исконного источника религиозного примитивного опыта к языку современного общества. Достоевский перевел архаичный религиозный опыт и старинные традиции русской монастырской жизни (ср. образ старца Зосимы) на язык современной психологии. Он увидел и осознал старый конфликт религиозного мышления в современной обстановке. Поэтому его творчество можно считать переплетением исконной архаичной религиозной

сущности и современных форм интерпретации. Нечто подобное должно произойти, если мы не хотим впасть в полное варварство или же "прогрессировать" в направлении бездуховного царства голого анализа и софистики.

С учетом этого нам еще труднее ответить на вопрос о том, что может способствовать возрождению, исходящему из глубины души. Я думаю, что, с одной стороны, нужно отдавать себе отчет в существовании архаичных потенциальных возможностей в сознании и в обществе и не игнорировать их, а с другой стороны, ясно отличать инструментальные, аналитические и полезные в борьбе за существование формы интеллектуальной деятельности от интуитивных, интегрирующих форм, непосредственно связанных с глубочайшими источниками человеческих переживаний. Здесь может возникнуть недоразумение. Любая романтическая попытка дискредитации позитивных аспектов современного мышления, таких как рационализм, отрицание религиозных предрассудков и критический дух, может злоупотребить апологией нерациональных сил для поддержки нового увлечения средневековьем, что очень часто является современным способом выхолощивания античной традиции. Существует также опасность поклонения варварским идолам под маской нового примитивизма. Тем не менее возможное злоупотребление истиной не может помешать нам ее констатировать. Единственное, что мы можем сделать, - это подчеркивать истинную суть человеческих высказываний и учить новое поколение проводить различие между искусственной подделкой и истинным источником духовного возрождения.

6. Оценка и парадигматический опыт

Теперь мы должны рассмотреть соотношение между меняющимися человеческими оценками и историей исконного религиозного опыта (переживания), на который мы ссылались в предыдущих параграфах. Имеем ли мы в виду характер христианских

ценностей, когда говорим о превращениях религиозной сущности и институциональных средствах, способствующих ее сохранению? Каково соотношение между оценками и опытом, в котором выражается христианство? Здесь мы затрагиваем старую проблему в новой форме, мы возвращаемся к давнему противоречию в отношениях между религией и моралью. Мы хорошо помним парадоксальную ситуацию, когда человек может быть безупречным в моральном отношении и в то же время не быть религиозным: мы знаем также, что безнравственный человек может обладать глубоким религиозным опытом. Мы знаем также, что само христианство признало существование нравственных норм в *ius naturale*⁵, хотя это право не является насквозь духовным.

Из этого вытекает, что христианские ценности имеют два аспекта - один из них соответствует тому факту, что как ценности они должны регулировать поведение, другой аспект соответствует тому, что эти ценности выражают глубокий опыт, который вполне может быть опытом индивидуальным. Иными словами: данные ценности всегда могут быть истолкованы и как средства приспособления к реальным ситуациям, и как типы приспособления, диктуемые определенным *Weltanschauung*⁶, т.е. глубоким опытом, направляющим это приспособление. Если это так, то бесполезны оценки, которые не способствуют разрешению существующих конфликтов, т.е. проблемы приспособления, и не помогают нам жить и действовать в этом мире. С другой стороны, успешное приспособление вовсе не превращает направлявшие его ценности в христианские или в выражение какого-либо другого *Weltanschauung*.

Приспособительный характер оценок делает необходимым их определенное изменение с самой социальной средой. Этот аспект оценок постепенно поняли философы прагматической школы и нельзя отрицать важность этой точки зрения. Они поняли, что ни религиозный мыслитель, ни философ-идеалист не в состоянии осознать, что жизнь человека - это постоянный процесс приспособления во все время меняющейся ситуации и что процесс

оценок есть неотъемлемая часть этого процесса. Религиозный мыслитель и философ уделяли слишком много внимания лишь одной - проблеме, а именно - оправданию притязания нормы на действительность; поэтому они ставили лишь один вопрос: "Почему надо выполнять приказы?" Они не спрашивали, как надо выполнять приказы в случае изменения условий, в которых эти приказы были отданы. Именно это интересовало как раз представителя прагматической школы, основной вопрос которого звучал так: "Как может совет или приказ решить проблемы, возникающие в новой ситуации, и как может этот совет или приказ создать с помощью приспособления новое равновесие из неустойчивого положения, возникающего в результате дисбаланса между устаревшей реакцией и изменившейся ситуацией, и в какой степени могут авторитетные и предвзятые приказы способствовать решению возникающих в наше время новых трудностей?"

Тот, кто не придает значения угрозе, содержащейся в этих утверждениях, никогда не решит наших проблем и вряд ли поймет реальные трудности нашего века. С другой стороны, тот, кто подобно прагматисту, думает, что уже нашел ответ на поставленный вопрос, также не видит истинного значения проблемы оценок.

Недостаток прагматического решения проблемы в том, что оно либо отождествляет успешное приспособление с правильным или неправильным повелением, либо не понимает, что, поддерживая индивидуальную добровольность в качестве абсолютного требования, оно само неосознанно вводит предвзятый идеал правильного поведения. Иными словами, оправдание типа поведения его целесообразностью в данной ситуации, вовсе не предопределяет правильность этого типа поведения с христианской или нехристианской точек зрения. Человек, отрицающий значение духовных норм, может приспособиться к определенным требованиям социальной ситуации, так же как это делает христианин. В чем же тогда разница между ними? Видимо, она заключается в том, что христианин не просто хочет приспособиться к миру вообще или к

части окружающей среды, в которой он находится, а хочет сделать это так, чтобы это приспособление соответствовало его взглядам на жизнь.

Следует отметить, что философия и социология приспособления вначале исходили из того, что существует лишь один действенный путь адаптации в данной ситуации. Однако наблюдение над разнообразными путями приспособления показало, что даже на уровне биологического существования приспособление к одной и той же ситуации может быть различно в зависимости от биологической оснащённости соответствующего животного. Так, заяц бежит от шума, а лягушка останавливается и прячется. Подобные различия обнаруживаются и среди различных индивидов, они зависят от психологического типа и склада и определяются жизненной судьбой. Так, один ребенок реагирует на внешнюю угрозу с помощью удара, а другой убегает от нее.

Поскольку возможны различные типы приспособления к одной и той же ситуации, нужен всего только один шаг, чтобы осознать, что на качество приспособления может также влиять и *Weltanschauung*⁷ индивидов или групп, приспособляющихся к одной и той же ситуации. Так, одни люди христиане, а другие - нет. Совершенно ясно, что должно иметь место влияние ценностей на качество приспособления в поведении индивидов, если под приспособлением понимать не компромисс (это невежественное понимание термина), а такую реакцию индивида или группы на ситуацию, с помощью которой они пытаются каким-то образом (если необходимо путем борьбы или бунта) решить возникшие проблемы. Однако характер приспособления не дает полной картины поведения. К этому следует добавить *Weltanschauung*, которое избирательно относится к существующим моделям приспособления, принимая одни из них и отвергая другие. Однако каков критерий этого выбора? Где причины принятия или непринятия определенных образов жизни, поведения, сотрудничества? По-видимому, их следует искать в глубинном опыте, который раскрывает смысл жизни для

данного Weltanschauung. Weltanschauung также, как и религия, содержит частично непреходящий чрезвычайно важный глубинный опыт и частично преходящие переживания. В этом заключается ответ на вопрос о соотношении между ценностями и христианством, между моралью и религией. Религия придает главное значение не моральному или этическому опыту и не способам регулирования поведения индивидов, а объяснению жизни с точки зрения парадигматического опыта. Можно спорить о том, что главное в христианском опыте - первородный грех, искупление, освободительная творческая сила любви или распятия или же глубокое страдание. Именно исходя из этого опыта, происходит объяснение моделей приспособления нормативного поведения. Если этот парадигматический опыт исчезает, как это происходит в секуляризированной европейской истории, то совершенно очевидно, что проблема ценностей сводится лишь к приспособительности человеческого поведения. Вывод о том, правильно или неправильно это поведение, свидетельствует лишь об эффективности, но не дает ответа на вопрос о том, куда она направлена. Предписания и ценности рассматриваются главным образом как средства, их цели теряются. Единственный остающийся надежным критерий правильности и неправильности может быть получен из необходимости примирения индивидуального и группового приспособления. Только такое приспособление индивидов эффективно, которое совместимо с приспособлением группы, к которой они принадлежат. С другой стороны, те, для кого парадигматический опыт еще имеет значение, но кто не понимает приспособительного аспекта ценностей, обычно приходят в замешательство от того факта, что они испытывают желание догматически применить старые средства к новой ситуации и не понимают, что без перевода исконного опыта на язык современности они обречены на провал. Проблема христианских ценностей имеет два аспекта - осознание парадигматической основы опыта и соответствующих изменений в современной обстановке.

7. Социологический смысл парадигматического опыта

Поскольку важность парадигматического опыта стала очевидной, она дает нам ключ к пониманию того, что мы обычно подразумеваем под "бездуховностью" современной жизни. Смысл этого термина состоит в исчезновении исконных образов или архетипов, определявших жизненный опыт человечества в течение многих столетий. Воздействие этих образов на подсознательное поняли историки искусства и культуры, психологи и философы. Теперь, когда мы видим, что происходит, когда сила этих образов уменьшается, необходимо к уже имеющемуся на этот счет знанию добавить знание о социальном значении этих образов.

Назову некоторые из этих архетипов или исконных образов: герой, мудрец, дева, святой, кающийся; в области христианского воображения: крещение, отпущение грехов, любовь к ближнему, евхаристия (причастие), добрый пастырь, распятие, искупление. Эти архетипы не могут быть до конца поняты, если считать их просто пережитками донаучной стадии развития. Их исчезновение без замены их чем-то другим ведет к дезинтеграции современного жизненного опыта и человеческого поведения. Без парадигматического опыта невозможно ни последовательное поведение, ни формирование характера, ни реальное человеческое сосуществование и сотрудничество. Без них мир наших рассуждений теряет свою ясность, поведение распадается на части и остаются лишь бессвязные куски моделей успешного поведения и фрагменты приспособления к постоянно меняющейся среде.

Если модель приспособления к среде, которая привела к столь важным результатам в области биологических исследований, использовать не только как гипотезу в области социальных исследований, а превратить ее в мерило человеческих действий, то обязательно произойдет дегуманизация человеческой жизни. Результатом такого научного подхода будет полное уничтожение оценок различных вещей и форм поведения в социальной жизни.

Для людей, принадлежащих к данной культуре и действующих в ней, ценности неразрывно связаны с вещами. В процессе действия они опираются на существующую в сознании онтологическую иерархию, говоря: "Это плохо, это хорошо, это еще лучше". Научный подход начинается с нейтрализации этой онтологической иерархии в мире опыта. Для психолога один опыт также важен, как другой, для социолога социальные условия, приводящие к воспитанию гангстера, также важны, как и социальные условия, способствующие воспитанию хорошего гражданина. Этот нейтральный подход приводит в качестве метода научного исследования к наиболее ценным результатам. Однако, если мы попытаемся превратить его в правило поведения, он становится дезинтегрирующей силой как в личной жизни, так и в жизни общества. С научной точки зрения, и опыт святого, и опыт истерика могут рассматриваться как примеры психологического механизма: однако сознательное пренебрежение качественным различием между этими двумя видами опыта наносит ущерб обществу в том случае, если оно будет относиться к святому, как к истерику, и наоборот. Если нет парадигматического опыта, который заставляет нас придавать различное значение различным фазам действия, то нет кульминационного пункта, к которому направлено действие. Это не только расщепляет жизнь индивида и подменяет ее цельный характер фрагментарностью, но и делает невозможной координацию социального действия. Парадигматический опыт и исконные образы выполняют в жизни индивида не только функцию организующего принципа при формировании характера, но и регулятора сотрудничества индивидов.

Другая особенность парадигматического опыта в том, что он придаст жизни драматический смысл. Сотрудничество и совместные действия в обществе возможны только тогда, когда одни и те же вещи обозначают для каждого члена общества одинаковый опыт. Тот, кто не разделяет мнения общества о смысле этих вещей, не принимает участия в общественной жизни. Парадигматический смысл имеет, однако, не только статичные явления, но и процессы.

Коллективное действие стремится к кульминационному пункту, и именно его драматический характер способствует истинному участию. Разделение труда и разделение функций без драматизма выражены в общей конечной цели подобно системе Тейлора на фабрике. Это лишает отдельный или частичный труд смысла. Именно это и происходит в современном индустриальном обществе. Модель тейлоризации, состоящая в бессмысленном расчленении общей задачи, разрушает изначальную модель драматического объяснения жизни. В конечном итоге, она сводит жизненную модель индивида к хорошо составленному расписанию, в котором не допускается никакая осмысленная кульминация или подлинное направление развития.

Беспредельное накопление денег, бесконечное стремление к повышению своего благосостояния, гигантский рост комплекса силы, бессмысленное расточительство - эти характерные черты распространяются не только на средний класс, но и на низшие слои общества и составляют различные стороны одного процесса. Полная бездуховность чувств и эмоций, бушующих без какой-либо конкретной цели, ведет к тому, что люди ищут удовлетворения в аномальной реакции. Это лучше всего видно на примере отношения к досугу. "Давай пойдём в кино или на какое-либо другое зрелище, все равно какое", - такое неопределённое желание характерно для многих людей по окончании рабочего дня. Однако это внешняя сторона медали, на обратной ее стороне - бессмысленность труда, организованного по системе Тейлора⁸.

Я вовсе не утверждаю, что массы в прошлом были более культурными; скорее наоборот, они были более грубыми и жестокими. Однако они не страдали от типичной для современного общества пустоты, и никакая предшествующая культура не пыталась сделать свою жизненную модель преобладающей. Совершенно очевидно, что вину нельзя сваливать на массы. Они не виноваты в том, что в прошлом их уделом была тяжелая и нудная работа и что со времени промышленной революции большая часть предпосылок

человеческого существования постепенно разрушалась. Свойственное капитализму превращение досуга в коммерцию с постоянным требованием новых сенсаций также характерно для нового типа сознания, как и неправильное разделение труда и социальных функций, создающее частичные задачи, почти лишенные смысла. Вопрос состоит отнюдь не в том, кто виноват во всем этом, а в том, что надо делать и как, чтобы не только ликвидировать внешние симптомы, но и вырвать зло с корнем.

Наличием исконных образов, регулирующих поведение и коллективные действия, следует, по-видимому, объяснить тот факт, что группы с более простым сознанием, например сербы, сражаются насмерть, в то время как более интеллектуальные нации слишком быстро отказываются от борьбы. Истинное выражение жизненного опыта, которое проистекало из религии и придавало смысл всей нашей жизни, постепенно исчезло, и ничто не пришло ему на смену, а у атомизированного сознания и общества нет ничего, за что стоило бы бороться.

С учетом вышеизложенного очень важно выяснить, подкрепляется ли намерение русских бороться против Гитлера до последней капли крови старым религиозным парадигматическим опытом или же новыми созданными большевиками образцами и новой инсценировкой общей судьбы. Если верно второе, то это лишь еще раз доказывает тот факт, насколько глубоко коренится в человеческом сознании идея братства между людьми, что эта идея черпает свежие силы из древних источников и что даже в наше время при определенных условиях возможно появление новых архетипов.

По той же самой причине я далек от того, чтобы утверждать, что гуманистическая традиция, идущая от Возрождения через век разума к либеральному XIX в. была совсем лишена парадигматического опыта или жизненной силы. Мятеж против установившейся власти, отчаянная смелость, необходимая для того, чтобы стоять на собственных ногах, величие ноши ответственности или отказа от

надежды на потустороннюю жизнь - таковы были основные динамические силы этого процесса. Однако с самого начала характерной чертой этих сил было то, что они действовали, лишь пока выражали стремления восходящих классов, более того, немногих самых передовых их представителей. Исконные образы гуманистического Возрождения и либерального периода истории были в большинстве случаев символами разлада и индивидуализма, и как таковые являлись источниками напряженности.

Соответствующая форма сознания была далека от иррационализма; она скорее склонялась к разуму. Однако этот разум был фанатичен. Эта форма сознания стала терпимой, нейтральной и аналитической только после того как класс, в котором она зародилась, остепенился и приобрел прочный статус в обществе.

Исчезли фанатические и динамические черты сознания и связанные с ним образы. Остался скептический, ищущий, аналитический ум, способный осуществлять беспристрастный поиск фактов.

При существующем положении дел очень трудно предсказать, какова будет тенденция развития событий, какой из двух великих *Leitmotifs*⁹ в нашей духовной истории станет преобладающим. Конечно, не исключено, что две силы будут действовать в одном направлении: та сила, наследием которой был религиозный дух, будет придавать человеческому опыту глубину и трансцендентность; а та, что несла из прошлого силу разума и воли, будет создавать лучший мир, используя потенциальные возможности мировых ресурсов. Возможно, не очень далеко то время, когда эти две силы осознают смысл нового великого вызова нашего времени. Возможно, они вскоре поймут, что имеют нового и чрезвычайно опасного врага, который мешает развитию их внутренних отличительных признаков. Имя этого врага, зловещая тень которого висит над всем миром, - механизированное варварство.

Даже если эти две силы объединят свои возможности в борьбе, маловероятно и даже не желательно, чтобы они полностью слились.

Возможно, однако, что, несмотря на напряженность, существующую между ними, или даже в силу этой напряженности, они будут дополнять друг друга и осознают, что они представляют собой два полюса в одной исторической битве в защиту нашего общего наследия.

8. Резюме. Новые проблемы

Итак, мы увидели, что настоящее понимание проблем христианских ценностей в меняющейся среде требует ясного разграничения между основным христианским опытом и развитием христианской веры и поведением, порожденным эрой капитализма.

Затем мы занялись поиском новой интерпретации философии прогресса, для того чтобы найти в ней элементы, не устаревшие и по сей день в отличие от элементов, тесно связанных с прошедшей эпохой. Было бы неплохо заменить оптимистическую точку зрения, согласно которой происходит прогрессивное развитие во всех сферах человеческой деятельности, на более реалистичный взгляд, согласно которому ни механизация, ни индустриализация ни автоматически, ни в силу диалектики не делают человека лучше, а общество счастливее.

Далее мы попытались внести ясность в смысл такого понятия, как "планирование ради религии". Каков смысл этого понятия? Ответ на этот вопрос очень важен не только для религиозной области, но и за ее пределами, так как бросает свет на исследование смысла планирования во всей духовной сфере. Первая реакция на вопрос о том, нужно ли планирование в духовной жизни, у любого из нас будет безусловно отрицательной. Это объясняется, однако, неспособностью понять, что термин "планирование" может означать нечто иное, чем тоталитарная регламентация. Однако, немного поразмыслив, мы вынуждены признать, что даже в нашем неплановом обществе мы постоянно делаем что-либо для образования, искусства, науки и религии. Полное "невмешательство"

в эти сферы не было возможно раньше и невозможно в наше время. Новой отличительной чертой века планирования будет то, что для нас значительно прояснятся принципы нашей поддержки развития и распространения культуры; если мы будем стремиться к планированию ради свободы, то станем еще более тщательно относиться к выбору средств, способствующих духовной жизни. Это приведет к еще большей ясности относительно сущности и возможных изменений планируемой нами субстанции.

С точки зрения планирования, необходима разработка двух аспектов христианских оценок. Первый аспект выражает приспособление. Христианские оценки, как и любые другие, пытаются регулировать отношение и поведение. Как таковые, они связаны с приспособлением человеческого действия к окружающей среде, особенно к среде изменяющейся. Христиане в большинстве своем не хотят признавать приспособительный характер христианских норм поведения. Как я указывал, это нежелание объясняется либо неправильным пониманием термина "приспособление" (что совсем не означает "компромисс", компромисс - это только одна из форм приспособления), либо тем фактом, что христианская мораль слишком часто подчеркивает достоинство непротивления. Это, однако, вовсе не означает отрицания приспособления, а всего лишь высокую оценку неагрессивных подходов к жизненным проблемам. То, что христианство на практике не может означать отказ от приспособления и игнорирования конкретной ситуации, доказывается самим фактом выживания христианства. Этот факт свидетельствует о том, что христиане приспособивались к изменяющейся ситуации и что это приспособление было продуктивным, однако делали они это в большинстве случаев довольно неосознанно. Пока преобладали хилиастические ожидания приближающегося конца света, такой пренебрежение конкретной ситуацией могло быть оправдано. Однако, когда стало ясно, что эти надежды надо отложить, и когда, наконец, получила развитие идея историчности, проблема жизни в постоянно меняющемся мире стала очень актуальной.

С моей точки зрения именно сильная сторона прагматизма как философии делает ясным приспособительный, корректирующий характер человеческого поведения. Эта ясность и честность в отношении того, что действительно происходит в человеческом действии вовсе не является недостатком современного мышления. С моральной точки зрения более высокая жизненная форма приспособляется к изменяющимся условиям скорее на сознательном, нежели бессознательном уровне адаптации. Пока наше приспособление сознательно, мы всегда в состоянии ясно и четко сказать: "До этих пор я могу признать факты меняющейся среды, здесь я должен остановиться и оказать сопротивление". Приспособление к нежелательной ситуации будет состоять в своего рода действии, индивидуальном и коллективном, ищущем средств временного ухода с арены общественной деятельности, будь то путем мятежа или реформы. Сознательное признание приспособительного характера действия даст христианину возможность быть прогрессивным, ответить на вызов *ges povae*¹⁰; не став при этом жертвой изменений. Поскольку у христианина другой источник для направления своей деятельности, кроме простого желания приспособления и успеха, он всегда может провести ясную грань между приемлемыми для него типами приспособления и неприемлемыми.

Именно здесь приобретает значение другой аспект христианских оценок, находящийся вне рамок прагматизма. Этот аспект христианских оценок (как и любых других оценок, имеющих более глубокую цель, нежели простое выживание и равновесие с окружающим миром) выражается в том факте, что христианин не просто стремится приспособиться к окружающей среде, но хочет сделать это с помощью моделей действия, гармонирующих с его жизненным опытом. Именно из этого источника проистекает традиционалистский и консервативный элемент христианского действия. Христианское действие имеет свое направление, поскольку ему присуще определенное видение жизни, которое не исчезает, хотя и подвергается постоянным изменениям. Эта субстанция постоянно

сосредотачивает мышление и деятельность на определенных проблемах и разделяет вызовы окружающей среды и ответы на них на желательные и нежелательные.

Осознание важности этого видения жизни привело нас к более тщательному исследованию социологической значимости парадигматического опыта. На уровне прагматического подхода индивиды и группы могли бы выжить только в случае правильного, т.е. эффективного приспособления к постоянно меняющейся обстановке. Более глубокий анализ показал, что общество, основанное исключительно на практике эффективного приспособления, рано или поздно приходит к дезинтеграции: начинается этот процесс с дезинтеграции характера и поведения его членов, затем наступает полный паралич в сфере активности и, наконец, парализуется всякая совместная деятельность, поскольку исчезает ее глубинный смысл. Очень вероятно, что наблюдающаяся в настоящее время апатия в большинстве цивилизованных обществ хотя бы частично объясняется исчезновением парадигматического опыта и возможно ослаблением изначальных образов, придававших в прошлом смысл человеческому действию.

Дальнейшее исследование природы парадигматического опыта показало, что частично он восходит к древнейшей истории человечества. Эта история сохранила исконные образы, происходящие из древних глубин сознания. Эти архетипы действуют через религиозную традицию, и в прошлом они обеспечивали интеграцию не только человеческой личности, но и социальных моделей. Если социальный климат характеризуется общим конвенционализмом, то архетипам свойственна тенденция к окоснению. Однако даже в таком состоянии они обладают скрытой силой, которая может стать опасной, если жизнь общества приобретает динамичный характер. Всегда возможны внезапные вспышки, неожиданное оживление первичного видения жизни. Еще более глубокое исследование необходимо для понимания природы гуманистического и коммунистического типов парадигматического опыта. Совершенно ясно, что по своему происхождению они в

конечном итоге также архаичны. Однако их историческое преобразование отличается по своему характеру от типов, пришедших в этот век с религиозной традицией. В этих больше элементов рационализма. И в этом смысле они лучше приспособлены к преобладающей тенденции, состоящей в росте Ratio¹¹, но они разделяют также и судьбу Ratio. А судьба эта состоит по всей вероятности, в том, что на своей ранней стадии Ratio динамичен, синтетичен, полон утопической напряженности; однако, когда жизнь становится более упорядоченной, растет безопасность и развивается разделение труда, преобладающими становятся аналитические аспекты. Результаты процесса могут быть довольно ценными, однако модель аналитического мышления, превратившись в образ жизни, скорее подрывает человеческие отношения, нежели интегрирует их.

Из различия между приспособительным характером и парадигматическим видением христианского действия вытекает, что, с одной стороны, христианин обязан быть консервативным в отношении сути христианского жизненного опыта, а с другой стороны, очень прогрессивным для понимания изменений, происходящих в современном мире.

Нет никакого противоречия в том, чтобы руководствоваться древним видением в качестве основы жизненного опыта и в то же время понимать потребности и возможности новой ситуации. Первое дает направление всем действиям, последнее способствует установлению связи с настоящим временем и не позволяет уклониться от участия в историческом процессе.

9. Экономические аспекты возникающей социальной структуры

Если мы хотим избежать неучастия в историческом процессе, то одна из основных задач христианского мышления при нынешних обстоятельствах состоит в определении того, какие альтернативы социальной реконструкции наилучшим образом совместимы с

основой христианского видения жизни. При подобном изложении очевидно, что ни христиане, ни любая другая группа не могут формировать общество, исходя исключительно из собственного видения. Существует две или три модели социальной организации, из которых нужно выбрать одну. Поскольку эти модели не завершены, а представляют собой скорее динамические тенденции, было бы правильнее сказать: необходимо примкнуть к той тенденции, которая обещает создать наилучшие возможности для типа жизни, близкого к видению. Наше исследование утверждает, что возникающая модель "планирования ради свободы" основывается на видении общества, которое само по себе вовсе не обязательно христианское, но создает условия, при которых в современном обществе возможна христианская жизнь. Эта модель своевременна в той степени, в какой она осознает необходимость планового общества. Она, однако, не уничтожает свободу, а скорее планирует ее рамки. Согласно этой модели, общество является планируемым, однако планирование согласовано демократическим путем, хотя смысл демократии в век массового общества должен быть пересмотрен, во многих аспектах продуман заново и приспособлен к современной ситуации.

Коммунисты и фашисты также планируют свое общество, однако они разрушают ценности западной цивилизации и уничтожают свободу, демократию и уважение к личности. В противоположность этому демократическая форма планирования будет делать все, чтобы планирование было совместимо с этими ценностями. Было бы ошибочным представлять дело таким образом, что третий путь", модель "планирования ради свободы", существует как проект. Но ведь ни коммунизм, ни фашизм не начинали с готовых планов. Можно, однако, утверждать, что в различных местах и областях человеческой деятельности работают люди, ищущие и нащупывающие третий путь в экономике, политике, политической науке, социологии, образовании и т.д. Часто они не знают о работе и вкладе других людей в это дело. Поэтому настоятельно необходимо объединить как можно больше людей и их изолированную деятельность с помощью интегрированной цельной модели.

В настоящее время необходимо приложить усилия для того, чтобы еще более отчетливо разработать принципы отличия модели демократического планирования от тоталитарных форм. Столь же необходимо рассмотреть вопрос о том, как эти принципы воплотить в конкретную жизненную обстановку. Если, к примеру, понаблюдать за направлением развития экономической мысли, то легко различить тенденции, более или менее сознательно действующие в одном направлении. Следует противопоставить мысли экспертов, которые, как в теории, так и на практике, сознают, что в будущем необходимо и неизбежно овладение техникой плановой экономики, мыслям тех экспертов, которые хотят сохранить простор для инициативы там, где она совместима с генеральным планом. Такая постановка вопросов и конфронтация точек зрения чрезвычайно необходимы, а различия во мнениях, которые несомненно появятся, не должны заставить нас уклониться от ответственности. Мы можем обнаружить, например, что некоторые мыслители стремятся изменить как можно меньше в традиционной системе рыночной экономики и ввести меры централизованного контроля лишь там, где это абсолютно необходимо для ослабления разрушительных последствий экономического цикла. Другие полагают, что планирование должно глубже внедряться в экономическую и социальную структуру. Будет, разумеется, полезно открыто высказать различные точки зрения, поскольку это поможет нам увидеть, чего стоит каждое решение с точки зрения дополнительных предписаний. Если бы существующие разногласия во мнениях были тщательно выяснены, то мы бы по крайней мере знали, по каким вопросам стоит их иметь. Обогащенные таким образом, мы не должны слепо переходить к тоталитарной регламентации, мы должны жадно впитывать все то, что мы называем свободой.

Укажем на другой важный аспект: наши экономисты, полные решимости планировать ради свободы, а не ради тотальной регламентации, должны сказать нам, какие классы и группы больше всего выиграют, а какие проиграют при осуществлении той или иной программы. Мы понимаем, что планирование ради свободы имеет

свою цену, и мы должны быть готовы заплатить эту цену сполна, поскольку это единственный путь сохранить гуманные условия жизни и за него не надо платить убийствами, концентрационными лагерями и отказом от необходимых жизненных свобод. Если мы будем знать, кто больше всего пострадает от каких-либо необходимых изменений, то всегда возможно продумать определенные меры компенсации для этих людей, позаботиться о них или переучить их и дать им новую функцию в обществе. Пока же *cut bono*¹² системы покрыто мраком, возникают различные тревоги и опасения, которые могут погубить нас всех.

Наряду с тем, что новая система затрагивает интересы различных слоев, за нее необходимо заплатить и моральную цену. Мы много слышим о моральном возрождении, о замене стимула погони за прибылью на идею служения. Христианский реализм ставит весьма конкретные вопросы перед экономистами, которые предусматривают формирование структуры, сохраняющей определенные полезные части существующей экономической системы и отбрасывающей устаревшие. Экономистам и социологам придется ответить на вопрос о том, может ли новое общество обойтись без стимула прибыли, в каких частях существующей системы этот стимул уже начинает исчезать, в каких он еще незаменим, а также, где его можно заменить или дополнить стимулом служения или психологическими стимулами, еще не достаточно ясно описанными.

Сотрудничество всех заинтересованных в новом порядке людей необходимо, разумеется, не только для обсуждения экономических проблем. Именно такое сотрудничество делает возможным рассмотрение проблемы личной ответственности, причем не только абстрактно, но и с учетом социальных возможностей. Нет смысла, к примеру, говорить о расширении частной инициативы и ответственности, если общая тенденция в деловой жизни направлена "а превращение множества мелких предпринимателей в служащих, работающих по найму, или чиновников. Решение может быть найдено, если точно знать стратегические моменты в экономической

и социальной структуре, где и как начинается ухудшение или появляются новые возможности для инициативы у личной ответственности. Такой подход переводит невыраженную потребность в увеличении свободы, инициативы и ответственности в плоскость конкретных практических проблем, которые могут быть решены с помощью опыта и консультаций с опытными людьми. Разработка всевозможных подходов крайне важна для нашей политики в области образования. Очевидно, что образование на конкурентной основе бесполезно, если грядущий порядок не основывается на конкуренции. Нет смысла также включать в образование позицию полного пацифизма и непротivления, поскольку в нашем мире еще долго будет присутствовать война. Пропаганду пацифизма можно честно проводить лишь в том случае, если у нас хватит мужества обозначить все условия, при которых эти идеи могут быть реализованы.

10. Возникающая социальная структура, проблема власти и социального контроля

Возможности будущих моделей поведения определяются не только экономической, но и политической и социальной структурой общества. Так, нам предстоит изучить, какие формы власти будут или должны будут существовать, как следует распределять власть и контролировать ее. Наш подход к этим вопросам должен быть реалистичным, т.е. он не должен быть ни реакционным, ни утопическим. Общество не может представлять собой сообщество ангелов, социальную систему, функционирующую без какого-либо давления и основывающуюся на абсолютном и добровольном согласии. Такой подход нереалистичен, а анархистски-утопичен, так как вообще отрицает необходимость власти и полагает возможным построить общество только на основе взаимопомощи, сотрудничества и любви. Противоположный подход также нереалистичен и неудовлетворителен. Этот реакционный подход благодушно принимает существующие формы социального и

политического подавления как извечные и непреложные и не пытается изменить используемые социальные приемы. Реакционный подход исключает таким образом применение философии власти, он признает в конечном итоге лишь голую власть и пытается подменить всю социальную технологию методами подавления и приказов. Этот подход был наилучшим образом реализован в философии и практике нацизма. Однако мы не можем также согласиться с философией власти, господствующей в коммерческом обществе, согласно которой все зло, исходящее от власти, можно уничтожить, если только отказаться от применения голых власти. Эта философия не отрицает применения давления с целью достижения желаемого результата, будь то с помощью экономических или других косвенных методов.

Сноски

¹ Впервые перевод опубликован в кн.: Макхейм К. Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом / Под общ. ред. Левит С.Я., Гуревича П.С.; Пер. Карпушиной С.В.; ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при Президиуме РАН. - М., 1992. - С. 178-213

² Petainism - петиизм; (Петен - французский маршал, капитулировавший перед Германией).

³ Le Reginie des Notables (франц.) - режим избранных.

⁴ Vis ertiae (лат.) - сила инерции.

⁵ Ius naturale- естественном праве (лит.). - Прим. ред.

⁶ Weltanschauung (нем.) - мировоззрение.

⁷ Weltanschauung (нем.) - мировоззрение.

⁸ Фредерик Уинслоу Тейлор (1856-1915) - американский инженер и исследователь, разработал теорию организации и стандартизации труда на основе принципа материальной заинтересованности.

⁹ Leitmotifs (нем.) - лейтмотивы.

¹⁰ Res novae (лат.) - новое.

¹¹ Ratio (лат.) - разум, рассудок, ад, рационализм.

¹² Cui bono (лат.) - кому это выгодно.